

практика (экономика), могут утрачиваться из актуального сознания определенные ценности и появляться новые, специфицированные конкретизацией социальных смыслов в составе практики.

При смене циклов происходят существенные изменения, как в жизни конкретных субъектов, так и интерсубъективностей и их структур: гибнут и рождаются люди, уходят и возникают новые народы, религии, искусства и т. п. Социальная деятельность во временном плане, таким образом, осуществляется в телеологически-исторической и диалектически-циклической или "реверсионной" формах, где историчность означает продвижение кциальному, перфекционистскому бытию, а цикличность и реверсионность, выражаются в "снятии" генетических связей в социальном бытии, в откате и повторе, выражающих разрешение противоречий в социальной системе. Человечество осознает свое бытие как несовершенное и стремится обрести бытие абсолютное. Последнее, выражается в образах "благодати", в том числе и в нуминозной мифологии, признании Божественного начала в бытии. Стремление к абсолютному

бытию в этом контексте есть теофания, обожение человека, преодолевающее в конкретном развитии соблазны человекобожия, "сатанинской гордыни".

В данных мифологемах заложена мистическая интуиция социального бытия, выделяющая в бытии социальной системы интенцию к выходу за пределы своей актуальности. Это делает невозможным статическое существование человечества. Люди действуют под воздействием сознания, рефлексии а не рефлексов, укоренных в материальных структурах психофизиологии. Это отличает человеческое социальное поведение от поведения, например, таких общественных животных как пчелы, муравьи и термиты. Существование общества разумных существ, иными словами, заключается не в простом воспроизведстве или повторении. Оно есть диалектика противоречивого становления, осознания абстрактного и стремления к его трансцендированию или конкретизации в структурах материи как субстрата изменений. Следовательно, социальный процесс есть творческая эволюция, данная в цикличности симметрии и асимметрии абстрактного и конкретного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клименко Н. Записки из торгового дома // Эксперт-Вещь. 2004 № 4. С. 10–12.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. – 92 с.
3. Иметь или не иметь Америку (дайджест американской жизни). М., 2000. – 160 с.
4. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. – 792 с.

□ Авторы статьи:

Золотухин
Владимир Михайлович
- докт. филос. наук, доц.
каф.социологии политических от-
ношений и права
КузГТУ

Овчаров
Александр Андреевич
- докт. филос. наук, проф. каф. фи-
лософии КемГУ

Корнев
Вячеслав Вячеславович
- канд. филос. наук, доц. каф. соци-
альной философии, онтологии и
теории познания факультета психо-
логии и философии Алтайского го-
сударственного университета

УДК 101.1:316

О.А. Коновалова

УЧЕНИЕ О ПОТРЕБНОСТЯХ В «ГОСУДАРСТВЕ» ПЛАТОНА

В государственном образовательном стандарте в ряде гуманитарных направлений и специальностей подготовки присутствует предмет «Человек и его потребности». Специфика предмета и курса, читаемого на основе стандарта, в рефлексии насущных потребностей человеческого бытия. Впервые явно эта рефлексия эксплицируется у Платона.

Учение Платона о потребностях – одно из первых в истории философской мысли. И хотя оно не было оформлено в стройную теоретическую систему, не занимало в философии Платона столь же значительного места, как, например, теория

идей, тем не менее, можно говорить о том, что учение о потребностях своеобразным лейтмотивом проходит через все «Государство» - центральное произведение Платона.

У Платона нет четко выраженной категории потребности. Как синонимические он использует понятия «потребность», «нужда», «вожделение», «желание», что в принципе характерно для начального этапа философского осмысления проблем, связанных с потребностями человека. Нет у Платона и завершенной классификации человеческих потребностей. Вместе с тем, в «Государстве» намечены не только основные проблемы теории

потребностей, привлекшие к себе внимание мыслителей последующих эпох, но и обозначены такие интересные темы, как соотношение государственного строя и потребностей человека, закономерности возникновения и развития потребностей, формирование потребностей и управление ими, последствия неконтролируемого следования своим потребностям и др.

Рассматривая разные виды потребностей, Платон выделяет несколько оснований для их классификации, в частности основания «разумности» и «необходимости». Прежде всего, Платон делит все потребности человека на необходимые (неизбежные) и лишенные необходимости. Необходимые потребности Платон определяет следующим образом: «Те вожделения, от которых мы не в состоянии избавиться, можно было бы по справедливости назвать необходимыми, а также и те, удовлетворение которых приносит нам пользу; подчиняться как тем, так и другим неизбежно уже по самой нашей природе» [1, с. 309]. К необходимым можно отнести такую первичную потребность, как потребность в питании. Причем потребность в пище или воде является необходимой в двух отношениях: «она и на пользу нам, и не может прекратиться, пока человек живет» [1, с. 310]. Иными словами, первичные потребности являются необходимыми, прежде всего, в силу того, что их удовлетворение представляется необходимым для поддержания самой человеческой жизни. Такие потребности неизбежны. К необходимым потребностям относятся потребности в пище, воде, жилье, одежде и обуви.

Совсем другое дело потребности, лишенные необходимости, то есть такие потребности, «от которых человек может избавиться, если приложит старания с юных лет, и которые вдобавок не приносят ничего хорошего, а некоторые из них, наоборот, ведут к дурному» [1, с. 309-310]. Так, потребность в избыточной пище не является ни первичной, ни необходимой, ведь ее можно обуздить, от нее можно даже избавиться путем воспитания, работы над собой. Платон убежден, что «если это вожделение обуздывать с малолетства и отвращать от него путем воспитания, то большинство может от него избавиться, ведь оно вредно для тела, вредно и для души – в отношении и разума, и рассудительности» [1, с. 310].

При рассмотрении неизбежных потребностей и потребностей, лишенных необходимости, Платон выходит на проблему развития человеческих потребностей. В неявной, скрытой форме здесь проявляется идея возрастания потребностей. Платон рассматривает эту проблему на примере потребности в питье. Так, жажда является следствием одной из первичных потребностей. У человека, испытывающего эту потребность, первоначально возникает желание пить. И данная потребность начинает порождать другие желания – например, пить обязательно теплое или холодное, много или

мало; пить какой-нибудь определенный напиток, а не просто воду. Платон не связывает это с какими-либо объективными закономерностями развития потребностей. Он подчеркивает, что одна потребность еще не содержит в себе никакой иной потребности: «каждое вожделение само по себе направлено лишь на то, что в каждом отдельном случае отвечает его природе. Вожделение же к такому-то и такому-то качеству – это нечто привходящее» [1, с. 171]. Конечно, никто не желает воды как таковой. Желание пить предполагает стремление получить пригодную воду, способную утолить жажду. И, тем не менее, сама по себе жажда «не направлена ни на обильное питье, ни на малое, ни на хорошее, ни на плохое – одним словом, ни на какое качество: жажда сама по себе естественно соотносится только с питьем как таковым» [1, с. 173]. Но если потребность в каком-то конкретном качестве есть нечто привходящее, то возникает вопрос: что же именно привносит этот элемент в систему человеческих потребностей? В чем причина того, что, получая воду, человек надстраивает над первичной потребностью целую пирамиду желаний и капризов? Очевидно, что ответ кроется в самой человеческой природе. Удовлетворив свои первичные потребности, многие люди как бы переходят на новый уровень неудовлетворенности, осознания разлада между имеющимся и желаемым. Им уже недостаточно самого необходимого – «им подавай и ложа, и столы, и разную утварь, и кушанья, мази и благовония, а также гетер, вкусные пироги, да чтобы всего было побольше» [1, с. 94-95]. Все это, как и ювелирные изделия или произведения искусства, не обусловлено необходимостью.

Вместе тем, сами по себе потребности, лишенные необходимости, не являются чем-то предосудительным, наполненным негативным содержанием. Они, в свою очередь, подразделяются на разумные потребности и неразумные (противозаконные) потребности, не согласующиеся с существующими законами и доводами разума. Они, в принципе, «присущи всякому человеку, но, обуздываемые законами и лучшими вожделениями, либо вовсе исчезают у некоторых людей, либо ослабевают, и их остается мало. Однако есть и такие люди, у которых они становятся и сильнее, и многочисленнее» [1, с. 324]. Человек, обуреваемый незаконными потребностями, оказывается способным на многое. Его дикое, необузданное, звероподобное начало отваживается на все. Откинув всякий стыд и разум, оно не останавливается даже перед самыми страшными проступками: «если ему вздумается, оно не остановится даже перед попыткой сойтись со своей собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зверей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все напочем в его бесстыдстве и безрассудстве» [1, с. 324-325].

Анализируя данный аспект теории потребностей, Платон связывает его (как и многие другие аспекты своей философской системы) с учением о душе. Платон исходит из того, что в душе человека имеются три начала – разумное, яростное и вожделеющее. Этим началам соответствуют три вида удовольствий, три вида вожделений и власть над ними. В самом упрощенном виде эти соответствия могут быть выражены следующим образом. Разумному началу, посредством которого человек осуществляет познание, движение к истине, соответствует потребность в познании, удовольствия от созерцания подлинного бытия, обладания истиной. Яростное начало пробуждает в человеке потребности в славе, почестях, признании, победах. Наконец, с вожделеющим началом связаны потребности «необычайной силы» в еде, питье, любовных утехах, деньгах. Именно из-за него «человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями» [1, с. 174]. Это начало – «близкий друг» наслаждений.

В душе человека лишь одно начало является преобладающим. Оно и определяет круг доминирующих потребностей, удовлетворение которых ведет к тем или иным удовольствиям. Нередко разумное и вожделеющее начала человеческой души вступают между собой в непримиримую борьбу. Эту борьбу Платон иллюстрирует колоритным примером – рассказом о неком человеке по имени Леонтий, который заметил, что возле палача валяются трупы. «Ему и посмотреть хотелось, и вместе с тем было противно, и он отворачивался. Но сколько он ни боролся и ни закрывался, вожделение оказалось сильнее – он подбежал к трупам, широко раскрывая глаза и восклицая: "Вот вам, злополучные, насыщайтесь этим прекрасным зрелищем!"» [1, с. 174]. Действительно, часто бывает так, что, вопреки всем доводам разума, человек идет на поводу у своих неразумных, даже пагубных желаний. Отдает себе отчет в неправильности подобного поведения и все же оказывается не в силах бороться с возникшими потребностями. Разумное начало человеческой души оказывается подчиненным началу вожделеющему, поработлено им.

Однако человек может и должен контролировать неразумные, противозаконные вожделения с помощью доводов разума. Так как особую опасность для душевного равновесия человека представляет состояние сна (достаточно вспомнить офорт Гойи «Сон разума рождает чудовищ»), то принципиально важным оказывается момент отхода ко сну, когда в человеке пробуждаются все противозаконные потребности. По этому поводу Платон пишет: «Когда же человек соблюдает себя в здоровой воздержности, он, отходя ко сну, пробуждает свое разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями... Вожделеющее же начало он хоть и не морит голодом, но и не удовлетворяет его до пресыщения... Точно

так же человек укротит и яростное свое начало, для того чтобы не отходить ко сну взволнованным и разгневанным. Успокоив эти два вида свойственных ему начал и приведя в действие третий вид – тот, которому присуща разумность, – человек предается отдыху» [1, с. 325]. И хотя внутри каждого человека, даже если он умерен и рассудителен, таится «какой-то страшный, дикий и беззаконный» вид желаний, потребностей, любой человек обладает способностью преодолеть их. Человек должен следить за тем, чтобы вожделеющее начало не стало господствующим началом его души, чтобы оно не усиливалось и не преумножалось, иначе «оно может попытаться поработить и подчинить себе то, что ему не родственно, и таким образом извратить жизнедеятельность всех начал» [1, с. 177]. От правильного сочетания трех начал души, их соподчиненности зависит как физическое, так и душевное, нравственное благополучие человека. Избегая крайностей – излишеств или суровой аскезы, – человек должен стремиться к тому, чтобы отыскать средний путь, и в этом Платон усматривает высшее счастье для человека.

Теория потребностей Платона затрагивает не только отдельного индивида, но и общество в целом. Проблема потребностей оказывается проблемой более крупного масштаба, так как потребности в теории Платона – это и важный фактор становления и формирования государства, его строя, и «начало общества». Собственно, само государство возникает благодаря человеческим потребностям. Оно возникает, когда «каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается» [1, с. 90]. Испытывая потребности в самых разных вещах, предметах, услугах, человек вынужден привлекать для удовлетворения своих потребностей других людей: «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь» [1, с. 90]. Потребности не только «создают» государство, но и обуславливают его дальнейшее развитие, территориальный рост; приводят к разделению труда, определяют социальную структуру общества. Ни один человек не в состоянии обеспечить себя даже самым необходимым – и пищей, и одеждой, и обувью, и жильем. Поэтому один становится земледельцем, другой – строителем, третий – ткачом. Иными словами, разделение труда в обществе, согласно Платону, происходит в соответствии с человеческими потребностями. Как следствие возникают и определенные экономические отношения. Когда каждый производит какой-либо товар или предлагает некую услугу, возникает еще одна потребность, а именно – «за деньги приобрести что-нибудь у тех, кому нужно сбыть свое, и опять-таки обменять это на деньги с теми, кому нужно что-то купить» [1, с. 93]. Из-за этой потребности в обществе появляется множество посредников, купцов, торговцев. Естественно, предлагаются не только товары, но и услуги.

Их готовы предоставлять те, кто обладает «телесной силой», необходимой для выполнения тяжелых работ, наемники, а также те, кто обладает специальными навыками и умениями. Так появляются воспитатели, наставники детей, служанки, цирюльники, повара и кулинары. Все расширяющиеся потребности требуют не только все усложняющейся специализации, но и приводят к вынужденному расширению территории государства. А это, в свою очередь, порождает потребность в захватывающих, защите уже имеющихся земель, мудром управлении, необходимом для наилучшего функционирования общества. Итак, начав с констатации того факта, что каждый человек от природы имеет ряд потребностей, Платон переходит к теоретическому построению модели идеального государства. Специфика государственного устройства также оказывается у Платона в прямой зависимости от человеческих потребностей – разумных и неразумных, подавляемых и неконтролируемых, первичных и лишенных необходимости. Рассматривая четыре вида «извращенного» государственного устройства – тимократию, олигархию, демократию и тиранию, – Платон подчеркивает обусловленность их характерных черт и особенностей динамикой человеческих потребностей. Постоянно меняющиеся потребности человека меняют его нравы, его моральный облик, его положение в обществе, наконец, общественное устройство.

Тимократия – строй, наименее удаленный от строя идеального государства. Он основывается на честолюбии, соперничестве, жажде славы. Люди в тимократическом государстве еще имеют хорошее воспитание и образование. В них примерно в равной степени развиты все три начала души, что и определяет «серединный путь» тимократического человека. Платон сравнивает тимократического человека с юношей, неплохим по своей натуре, но попавшим в дурное общество. Хорошее воспитание и развитое разумное начало контролируют его неразумные потребности, но не способны победить их. Поэтому тимократический человек, отдавая себе отчет в неразумности некоторых своих потребностей, удовлетворяет их, но втайне: «убегая от закона, как дети от строгого отца» [1, с. 296].

Олигархия – строй, основывающийся на имущественном цензге. Неудивительно, что «добротелями», присущими людям этого строя, становятся бережливость, корыстолюбие, алчность. Олигархический человек «бережлив и деятелен, удовлетворяет лишь самые насущные свои желания, не допуская других трат и подавляя прочие вожделения как пустые... Ходит он замуухрышкой, из всего извлекает прибыль и делает накопления» [1, с. 303]. Из-за недостатка воспитания и образования в нем появляются наклонности трутня, но он «с помощью остатков порядочности насилино сдерживает другие свои дурные наклонности, хотя

он и не убежден, что так будет лучше; он укрощает их не по разумным соображениям, а в силу необходимости, из страха, потому что дрожит за судьбу собственного имущества» [1, с. 304]. Разумное и яростное начало души в нем явно подчинены началу вожделению, однако, еще не в полной мере. В душе олигархический человек словно раздираем борьбой вожделений, и «одни вожделения берут верх над другими – по большей части лучшие над худшими» [1, с. 304], но происходит это, как уже было сказано, не в силу его разумности, но в силу корысти и бережливости.

Постоянно заботясь о сохранении и накоплении имущества, олигархический человек подменяет потребность в некой материальной базе сам целью – быть как можно богаче. В этом Платон и усматривает причину перехода олигархического строя в демократию. Богатство постепенно ослабляет разумное начало души и волю человека. Состоятельные молодые люди, выросшие уже при олигархическом строе, избалованы, слабы телом и духом; не обладают выдержанной ни в страданиях, ни в удовольствиях. Людей же неимущих это приводит к мыслям о том, что господа – «никчемные люди», и что богатые правят лишь благодаря малодушию бедняков. Демократия осуществляется тогда, «когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [1, с. 307].

Отличительной чертой демократического строя является свобода, но свобода, тождественная возможности «делать что хочешь», произволу. А потому вполне естественно, что душу демократического человека одолевают совершенно бесполезные прихоти. Они привносят в нее наглость, разнозданность, распутство, бесстыдство. Причем под прикрытием весьма благовидных имен. Так, разнозданность при демократии называется свободой, распутство – великодержанием, наглость – просвещенностью, а бесстыдство – мужеством. Руководствуясь подобными «идеалами», человек постепенно переходит «к развязному потаканию вожделениям, лишенным необходимости и бесполезным» [1, с. 312]. Со временем, насладившись свободой, он станет более умеренным, станет тратить деньги, усилия и свободное время в равной степени как на удовлетворение неизбежных потребностей, так и на удовлетворение потребностей, лишенных необходимости. Если ему повезет, «вакхическое неистовство не будет у него чрезмерным... и в его жизни установится какое-то равновесие желаний: всякий раз он будет подчиняться тому из них, которое ему словно досталось по жребию, пока не удовлетворит его полностью, а уж затем – другому желанию, причем ни одного он не отвергнет, но все будет питать поровну» [1, с. 312]. Он не будет различать хорошие, разумные

потребности и дурные. Не будет понимать он и того, что «одни удовольствия бывают следствием хороших, прекрасных вожделений, а другие – дурных, и что одни вожделения надо развивать и уважать, другие же – пресекать и подчинять» [1, с. 313]. Жизненный девиз демократического человека можно определить так: «все вожделения одинаковы и заслуживают равного уважения» [1, с. 313]. Помимо некоторого равновесия потребностей это имеет своим следствием определенную их неупорядоченность. Ведь удовлетворяя то одну, то другую свою потребность, человек мечется от одного предмета вожделений к другому, с вождением хватается за новое дело, но ни одно не доводит до ума. Платон так характеризует жизнь демократического человека: «Изо дня в день такой человек живет, угождая первому налетевшему на него желанию: то он пьянеет под звуки флейт, то вдруг пьет только воду и изнуряет себя, то увлекается телесными упражнениями; а бывает, что нападает на него лень, и тогда ни до чего ему нет охоты. Порой он проводит время в занятиях, кажущихся философскими. Часто занимают его общественные дела: внезапно он вскакивает и говорит и делает что придется. Увлечется он людьми военными – туда его и несет, а если дельцами, то тогда в эту сторону. В жизни его нет порядка, в ней не царит необходимость; приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и как таковой все время ею и пользуется» [1, с. 313].

Из демократии возникает тирания, ведь «из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [1, с. 316]. Важнейшими потребностями при тираническом строе становятся потребности во власти, праздности, безудержных наслаждениях и растрате накопленного. Ничем не контролируемые, эти потребности будут расцветать и умножаться, предъявляя человеку все больше и больше непомерных требований. Естественным следствие потакания подобным вожделениям будет то, что со временем иссякнут его доходы, последуют заклады имущества, а затем появится «настоятельная потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания» [1, с. 327]. И если раньше человек подчинялся законам государства и доводам разума (ведь даже при олигархии человек контролировал свои желания исходя из бережливости), то при

тираническом строе он окончательно теряет контроль над своими потребностями. Человек «навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться ни от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это ни было» [1, с. 328]. Дав волю всем своим вожделениям, тиранический человек встает перед необходимостью удовлетворить их любой ценой. Он поднимет руку на отца с матерью, предаст друзей, украдет. Жажда всяческих излишеств, еды, вина, любовных утех, почестей, побед, власти со временем окончательно заглушит в нем разумное начало.

Жизнь тиранических людей, несмотря на кажущееся изобилие вещей и удовольствий, достойна сожаления: «подобно скоту, они всегда смотрят вниз, склонив голову к земле... и к столам: они пасутся, обжираясь и совокупляясь, и из-за жадности ко всему этому лягут друг друга, бодаясь железными рогами, забивая друг друга насмерть копытами, - все из-за ненасытности, так как они не заполняют ничем действительным ни своего действительного начала, ни своей утробы» [1, с. 344]. Так как тиранический человек просто физически не в состоянии удовлетворить все свои потребности, ему постоянно многое крайне недостает. Он весь – нескончаемая цепь неудовлетворенных потребностей. Он «оказывается поистине бедняком, если кто умеет охватить взглядом всю его душу. Всю свою жизнь он полон страха, он содрогается и мучается» [1, с. 335].

Ни при одном «извращенном» государственном устройстве человек не может достигнуть гармонии и счастья. Государственный строй во многом определяет человеческие потребности (для каждого строя Платон выделил доминирующую потребность). Но и потребности человека, развиваясь, приумножаясь и освобождаясь от контроля разума, низводят государственное устройство на новую ступень – все дальше и дальше от строя идеального. А идеальным, в конечном счете, по Платону является то государство, в котором господствуют истинные, разумные потребности, подлинные удовольствия (постижение истины, познание истинного бытия, знание, размышления), и создаются условия для формирования и удовлетворения таких потребностей, которые более всего согласуются с разумом, законом и порядком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Государство // Платон. Избранное. – М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 37-384.

□ Автор статьи:

Коновалова
Оксана Александровна
- канд. филос. наук,
ст. преп. каф. философии